

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: НЕМЕЦКАЯ ВЕРСИЯ. ФРИДРИХ ШЛЕЙЕРМАХЕР О РЕФОРМЕ НЕМЕЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА И РОЛИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Антоновский Александр Юрьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник.
Институт философии РАН.
Российская Федерация,
109240, г. Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: antonovski@hotmail.com

Во введении к переводу работы Фридриха Шлейермахера рассматривается его концепция социальной философии науки. Обосновывается, что целью соответствующего проекта являлось стремление адаптировать и трансформировать традиционную структуру немецкого университета как одной из средневековых цеховых корпораций к новым политическим условиям общества модерна, потребностям централизованного прусского государства. Данный проект имел непосредственное отношение к внешнеполитическим амбициям Пруссии, существенно поколебленным наполеоновскими войнами в том, что касается территориальной экспансии, но сделавшим тем более актуальным «экспансию» немецкого духа в области культуры, образования и науки. Центральным методом его реализации выступает идея «герменевтического круга». Утверждается, что проект и анализ Шлейермахера, если использовать современный язык философии науки, можно было бы назвать *экстерналистским*, что существенно отличает его от *интерналистского* проекта реформирования науки и образования, предложенного Кантом в знаменитой работе «Спор факультетов».

Ключевые слова: Фридрих Шлейермахер, немецкий университет, социальная философия науки, философский факультет, Прусское государство

SOCIAL PHILOSOPHY OF SCIENCE: GERMAN VERSION. FRIEDRICH SCHLEIERMACHER ON THE REFORMATION OF GERMAN UNIVERSITY AND THE ROLE OF FACULTY OF PHILOSOPHY

Alexander Yu. Antonovskiy – DSc in Philosophy, leading research fellow.
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St.,
Moscow, 109240, Russian
Federation;
e-mail: antonovski@hotmail.com

The author discusses the concept of social philosophy of science by Friedrich Schleiermacher. He argues that the purpose of Schleiermacher's project was to transform the old-fashioned structure of German university as Middle Ages guilds into a modern corporation that fits the political conditions of modernity and the needs of Prussian state. This project was closely connected with the Prussian foreign policy ambitions – i.e., widespreading the German *Geist* in the cultural, educational and scientific spheres. The key point of this project was the idea of the hermeneutic circle. The author claims that Schleiermacher worked within the borders of externalism, while Kant preferred the internalist point of view in his "The Conflicts of the Faculties".

Keywords: Schleiermacher, German university, social philosophy of science, faculty of philosophy, Prussian state.

Книга Фридриха Даниеля Эрнста Шлейермахера *Нечаянные мысли о духе немецких университетов*, перевод фрагмента двух последних глав которой мы представляем в журнале, имела исключительное значение для немецкого образования и науки¹. Именно эта работа стала той теоретической основой, на которую опирался Вильгельм фон Гумбольдт [Spranger, 1910], на короткое время занявший пост прусского министра культуры и предпринявший фактические шаги по учреждению нового реформированного университета (позднее получившего имя Гумбольдта) как прообраза современного немецкого университета и немецкой науки в целом.

Впрочем, в какой-то мере В. Гумбольдт ориентировался и на два других проекта, которые, в конечном счете, и результировали в его идею немецкого *Kulturuniversität überhaupt*. Так, помимо проекта Шлейермахера, при учреждении университета принимались в рассмотрение фихтевская идея [Fichte, 1807] «деиндивидуализированного прусского университета в униформе» [Spranger, 1910] и проект универсально-христианского университета Хенрика Штеффенса [Steffens, 1919].

И все-таки, в словах Вильгельма фон Гумбольдта, концентрированно выражающих романтическую идею о науке, без труда угадываются – безусловно, свойственные и другим представителям романтизма – герменевтически-круговая диалектика части и целого и вытекающая из нее идея академической свободы частей этого целого Фридриха Шлейермахера:

Наука есть *органическое целое*; тот, кто стремится к подлинному знанию, тот не может искать чисто профессионального образования, но должен наполнить себя духом целого. <...> Университет же, по самой своей идее, есть научный университет: всякое отдельное не есть нечто готовое, но всегда нечто становящееся, никогда полностью не исчерпанное. Он производится исключительно внутренней самодеятельностью, которая предполагает полную свободу духовного формирования (Цит. по: [Spranger, 1910, p. 40]).

Шлейермахера с полным правом можно назвать первым немецким социальным философом науки. В центре его замысла – стремление адаптировать и трансформировать традиционную структуру немецкого университета как одной из средневековых цеховых корпораций к новым политическим условиям общества модерна, потребностям централизованного прусского государства. Что, не в последнюю

¹ Впрочем, и сейчас идеи Шлейермахера выглядят удивительно современно. В каком-то смысле здесь предвосхищаются подходы Макса Вебера (в особенности его понимания «научного духа» в «Науке как профессия»), Эдмунда Гуссерля (с его пониманием кризиса науки как следствия ее специализации), современных концептов STS [Столярова, 2015], требующих демократизации науки, как в отношении языка ее понятий, так и относительно роли ученого не только как исследователя, но и ученого-активиста, рефлекслирующего над внешней, социальной функцией своего исследования.

очередь, имело отношение к внешнеполитическим амбициям Пруссии, существенно поколебленным наполеоновскими войнами в том, что касается территориальной экспансии, но сделавшим тем более актуальным «экспансию» немецкого духа в области культуры, образования и науки. И концепт герменевтического круга, как мы покажем ниже, оказывается здесь как нельзя кстати.

В этом смысле проект и анализ Шлейермахера, если использовать современный язык философии науки, можно было бы назвать *экстерналистским*, что существенно отличает его от *интерналистского* проекта реформирования науки и образования, предложенного Кантом в знаменитой работе «Спор факультетов».

При этом, при всей разности подходов, примечательно, что в центре реформационных усилий и объектов критики и Канта, и Шлейермахера стоит положение философского факультета. Традиционная структура университета, как известно, предполагала разделение на «младший», философский, факультет (ранее факультет «свободных искусств»: с его тривиумом из грамматики, диалектики и риторики и квадриумом из арифметики, геометрии, астрономии и музыки) и «старшие» факультеты – теологический, медицинский и юридический.

Кант осознал, что роль философского факультета должна существенно поменяться, т. к. в качестве пропедевтического он не поспевал за стремительной дифференциацией и профессионализацией наук. Причем вызревали новые дисциплины (прежде всего «естественная история» и «натуральная философия») именно в недрах младшего факультета, а значит – сам философский факультет и философия, формулирующие фундаментальные методологические принципы, должны были занять подобающие и равное, если не первое место, в конкуренции со старшими факультетами.

Герменевтический круг и научное сообщество

При этом Кант, конечно, исходит из внутренней дифференциации наук как основания для реформирования научного образования. И в этом интерналистском ключе надо понимать мысль Канта об отделении метафизики с ее априорными принципами научного познания в целом, от физики, прежде всего, конечно, законов механики Ньютона, как неких априорных оснований единства естественнонаучного знания². И это существенно отличает его от Шлейермахера, которого

² Так, Кант в «Метафизических началах естествознания» каком-то смысле уравнивал «анalogии опыта» как предшествующие опыту принципы чистого рассудка с «принципами механики» (скажем, принцип причинности соответствовал принципом инерциального движения – «все изменения движения происходят ввиду действия внешних сил») и т. д.

интересовал, прежде всего, как бы теперь сказали, социально-политический контекст развития науки и образования как особый случай диалектики общего и частного.

Применяемый здесь концепт герменевтического круга (общее присутствует в частном, а частное репрезентирует общее) был, как известно, развит Шлейермахером для целей интерпретации религиозных и литературных текстов и предполагал наличие некоторого центрального феномена (скажем, некой точки пространства, характера личности, биографии, корпуса текстов, общественного явления и т. д.), который обеспечивал бы «единобытие всех частей в их целостности».

На современном теоретическом языке, имея в виду примерно то же самое, говорят о *структурных сцеплениях* автономных частей целого, ничуть не теряющих в своей автономии, несмотря на их сопринадлежность. Такими частями *научного целого* являются, по мысли Шлейермахера, например, *академия, университеты и школы*. Но и наука, как некоторое целое относительно академий, школ и университетов, в свою очередь, выступает лишь в виде частного феномена, структурно сопрягаясь с государством и потребностями государственного управления как высшей целью, высшим целым и высшим благом.

Впрочем, как некоторый *внешний* для науки социально-личностный контекст (в числе прочего: объединительные задачи политического центра – Берлина, но не в последнюю очередь, и фигура ученого-преподавателя³), так и *внутренний центр* (прежде всего, философский факультет, репрезентирующий целое в частном, а значит – представляющий единство научного знания, в частном, в частности в образовании) – все это выступает средствами структурного сцепления означенных *независимых*, но сопряженных феноменов, ведь такие сопряжения вовсе не означают, что академия, университет или школа объединили бы свои функции и задачи.

Более конкретно задача реформирования университета в обеих переведенных нами главах. Первая носит название «О наделении учеными званиями», но это название несколько обманчиво. Речь здесь, скорее, идет, если использовать современную терминологию, об определении *принципов инклюзии в научное сообщество*, и значит, о некой внешней или институциональной демаркации науки, о классификации ученых и их подразделениях на отдельные подсообщества.

³ «...преподаватель университета работает, постепенно переводя результаты работы в академии, и у большей части сотрудников академии остается еще время, которое ему хочется посвятить исполнению отдельных функций университетского преподавателя», – пишет Шлейермахер. Это покажется странным для научных сотрудников институтов ФАНО-РАН, которых тотчас переводят на полставки, стоит им заявить о своих преподавательских амбициях, но идея профессиональной специализации ученого исключительно на научном исследовании была чужда романтическому идеалу науки.

Целый ряд проблем «социальной философии науки» поднимает эта глава. Здесь и «отсутствие доверия» к ученому званию как внутри науки, так и за ее пределами. Но что стоит за этой констатацией? Значит ли это, что развитие немецкой науки, по крайней мере, в ее коммуникативно-институциональном аспекте, в начале XIX в. проходило тот же этап, который в России мы переживаем сегодня в связи с очевидной девальвацией научных степеней, научных репутаций, и общей деградацией науки в связи с безразличием со стороны государства, лучше сказать, неумелым «внешним управлением» с его стороны?

Возможно, Шлейермахер был свидетелем каких-то эксцессов с немецкими *мединскими* – чиновниками, которые с одной стороны притязали на научные степени, а с другой – неумело вмешивались в научно-образовательную сферу. Возможно, недоверие к ученому званию можно было бы понимать и как вечную проблему науки, как то, к чему следует относиться, как ко всякому научному утверждению и притязанию, демонстрируя научный скепсис даже и в отношении к такому авторитетному подтверждению репутации как наделение ученой степенью?

Ученое звание для Шлейермахера и есть такая точка структурного сопряжения *внутринаучной* перспективы (точки зрения «научного союза») и *внешних* для науки государственных резонансов, о котором мы говорили выше. Ведь государство осуществляет своего рода аутсорсинг – использует ученых и для собственных нужд. Но если оно использует ученых, то почему не доверяет внутринаучному определению званий, а вмешивается в процесс и проводит государственные экзамены для чиновников? Шлейермахер фиксирует здесь замкнутый круг. С одной стороны, он порицает практику, когда присвоение научных степеней и званий происходит под контролем государства, ведь в этом случае университет утрачивает собственную автономию и, следовательно, не гарантирует действительных научных достижений, символизируемых полученными званиями. И именно поэтому, с другой стороны, государство не считает гарантируемые званием знания чем-то, что дает лицензии на практикование профессий, а требует дополнительных государственных экзаменов, что дополнительным образом уменьшает значимость университетского образования. Здесь легко распознается наша российская ситуация, когда формирование научной репутации и присвоение научных регалий находится под контролем государственных институтов (ВАКа и Минобра).

Какой же выход предлагает Шлейермахер? Как всегда, приходится начинать с самоочищения рядов ученых через изменения правил инклюзии в научное сообщество и принципов научной коммуникации и, как следствие, – демаркации науки. Среди предлагаемых мер ключевое значение имеет коммунитаристский, а не индивидуалистический принцип отбора научных кадров: не научная работа, письмен-

ный текст, но диспут, дискуссия, полемика – вот доказательство права исследователя на инклюзию в научное сообщество. Именно этот внутри-научный коммуникативный фильтр призван заменить неэффективный принцип государственного присвоения научных званий, дающих право быть членом научного сообщества [Антоновский, 2017].

Но как же при такой минимизации административного контроля «научный союз» сможет обеспечивать потребности государственного управления в «сведениях» и «знаниях»? В качестве его компенсации Шлейермахер помещает социоэпистемологическую перспективу *внутрь самой науки*, т. е. требует от самого ученого знать *не только «собственное поле»*, но и быть осведомленным о *внешней* потребности в знании. Здесь без труда угадывается представление Шлейермахера о своей собственной роли – ученого-теолога, не ограничивающегося умозрительной теорией и методами, но практически применяющего их в своем проекте переустройства общества – создания нового современного университета, прописывающего мельчайшие детали его будущего строения.

В итоге «научный союз» должен получить структуру, основанную на следующей классификации ученых: «рабочие на поле науке» суть те, кто наделен талантом, но не воспринял «дух» науки. Подлинные же члены научного сообщества, объединяющие в себе и дух, и талант, подразделяются в соответствии с особенностями своего таланта на склонных к теоретизациям или к его практическому применению. На современном языке мы бы сказали – к фундаментальным или прикладным исследованиям, где именно последние предполагали бы «объединение науки с жизнью». Что характерно, именно ученые-практики, а не представители фундаментальной науки, должны, по мысли Шлейермахера, занимать в науке ведущее положение.

Другим – внутренним – средством сцепления частей научного целого выступает философский факультет. Функция философского факультета – репрезентация единства научного союза, и эта функция объединяет экстерналистское и интерналистское понимание науки. Наука как единое сообщество возможна только при наличии в ней философского факультета. Если использовать современные представления социологии науки [Луман, 2016], то, возможно, Шлейермахер на своем языке высказывает идею о том, что у науки должна быть особая рефлексивная инстанция, некий наблюдатель второго порядка, ставящий мета-вопросы (что такое научное знание, истина, научная теория, методология, объединяющими всю науку?), ведь каждая отдельная дисциплина такими вопросами, как известно, не задается.

В этом контексте Шлейермахер защищает немецкую идею двух докторских степеней, которая, как известно, по немецким лекалам укоренилась и в России. Более низкая степень доктора философии

присваивается как показатель некоторого универсального знания, причастности к единству и общности наук, постепенно утрачиваемых в ходе дифференциации дисциплин и ввергающих науку в известный кризис (Гуссерль). Но именно это общее, философское знание, делает возможным познание в рамках специальных дисциплин (и здесь применяется идея герменевтического круга).

Другим важным средством демаркации науки и критерием инклюзии в научное сообщество, в свою очередь, соединяющим внешние и внутренние принципы демаркации, является идея специального языка науки. Выверенная латинская научная терминология, в прошлом заместившая «ненаучный» родной язык в силу своей терминологической элитарности и недоступности для прочей публики, теперь позволяет «фальсифицировать» научные достижения и поэтому в немалой степени способствует той самой дискредитации звания ученого. Она лишь частично сохраняет свое значение языкового демаркатора науки и не-науки, ведь ее границы сужаются до области филологии, математики и антиковедения. Однако теперь, когда и национальный язык «дозрел» до «обсуждения научных идей», такая демократизация языка науки делает возможным проверку достижений ученого в том числе и извне, со стороны дилетантов.

Здесь неминуем парадокс: коммуникативное замыкание науки как автономного сообщества экспертов возможно только при ее, не в последнюю очередь, терминологической, открытости и доступности. Красной нитью всего текста проходит попытка Шлейермахера соединить две фундаментальные идеи: идею автономии «научного союза», и как следствие автономии научной коммуникации, где формирование научных квалификаций и репутаций было бы внутренним делом ученых, академий и университетов, а никак не государства. Но, с другой стороны, важнейшее значение для него имела и идея немецкого национализма, которую разделяли многие романтики. Именно она заставляла Шлейермахера формулировать некий вариант «идеи мягкой силы», некой – отчасти реваншистской – идеи культурной экспансии Пруссии после того, как потерпели фиаско проекты военного объединения немецких княжеств под эгидой Пруссии. Наука и образование, – вот то, что, по мысли Шлейермахера, должно было вернуть Пруссии былое величие: «Пруссия не только не отказалась от призвания, которое она столь долго в себе упражняла, позитивно воздействовать на образование высшего духа и именно в нем искать своей власти».

Именно эти мотивы и определяют *амбивалентность* в отношении «научного союза», и статуса нового университета. Желание академической свободы словно уравнивается желанием получить особую протекцию, что отражает – отчасти патерналистские – ожидания «господдержки» для нового учреждения. Именно это и составля-

ет содержание последней главы, призванной регламентировать нормативные структуры новообразующегося немецкого университета и обосновать его особое положение.

В контексте означенной амбивалентности, конечно, Шлейермахеру оказывается чуждой столь популярная ныне идея «пространственного обеспечения» автономии нового университета (некого «города ученых», «кремниевой долины», «академгородка», как ответа на необходимость локализации научно-образовательных функций в некоем уединенном месте, чтобы отвлекающие внешние контексты никак бы не препятствовали научным изысканиям). Функциональная автономия науки вовсе не предполагает удаление из мира на манер религиозного уединения, поскольку (как свидетельствует судьба университета Франкфурта) в централизованном государстве, каковым являлась Пруссия, университет – как привилегированный социальный институт («форма жизни») – вынужден «демонстрировать блеск» и конкурировать с другими политическими институтами и аристократическими обществами, быть ближе к «суверену» и располагаться в столице.

Оправдание университета – от корпорации к организации

В центре проекта Шлейермахера – реформирование университета как образовательной и научной организации нового типа. В его собственном словоупотреблении, главным намерением без сомнения была попытка подорвать готическую форму и цеховое устройство старых университетов, но не лишить их вместе с тем сущностной формы «подлинного студенческого духа». Но решается ли эта задача в принципе и допускает ли *организация* как новая форма университетской жизни с ее жестким уставным регулированием правил членства, т. е. обязанностей и соответствующих прерогатив, сохранение академических свобод?

Такая опасность «утраты научного духа», и как следствие – «единства корпорации» связывается Шлейермахером с отпадением «реальных наук» от философии, призванной утверждать единство научного знания, и их «тяготение» к «чистой эмпирии». Здесь интерналистский способ утвердить единство науки и вместе с ним – единство и замкнутость научного сообщества, гарантируемое именно философией как некоторой первой – среди равных – дисциплины, дополняется экстерналистским прописыванием процедуры учреждения современного университета.

В этом экстерналистском ключе Шлейермахер обсуждает важнейшие, с его точки зрения, внешние условия функционирования новой организации: фондирование исследований, предоставление

стипендий (которые он предлагает предоставлять не в виде денег, но в виде некоторого «натурального продукта» – еды и жилья), студенческое кредитование, введение университетских судов; здесь же регламентируется и жизнь студенчества, подвергающегося разного рода опасностям, способным подорвать студенческий и научный дух («половое влечение», «театры», «страсти к игре» и т. д.); и среди прочих регламентаций и запретов, конечно же, запрет на разного административные регулирования и запреты.

Многое из предложенных регулятивов научной и студенческой жизни сегодня покажется смешным, но именно этот свод правил жизни нового университета показывает нам, какие гипертрофированные страхи связывали реформаторы с тем, что научная и образовательная коммуникация – в условиях новых свобод – окажется под властью коммуникативных ориентиров и медиа других социальных систем. Именно страх за чистоту «науки» и «образования» диктует эти компенсационные меры, способные, по мысли Шлейермахера, нейтрализовать опасности, связанные с потерей университетом формы замкнутой цеховой корпорации с гиперрегуляцией и регламентацией всех форм жизни.

При этом прописывание условий жизни нового университета (вплоть до мелочей) все-таки осуществляется так, чтобы не предписывать и ритуализировать студенческую жизнь, но определять сами условия жизни. Так, не предполагается запрещать студентам участвовать в разного рода городских развлечениях, но вместо этого ограничиваются кредиты – так, чтобы денег хватало исключительно на образование, а не театры и прочие увеселения и т. д.

Эти страхи, безусловно, связываются с расположением университета в политическом и культурном центре страны, но все означенные опасности перевешивает то обстоятельство, что благодаря центральному расположению он станет центром сосредоточения науки, практики, жизни, и потребностей управления, что в итоге послужит лучшим оправданием его учреждения. Шлейермахер понимал, что последнее обстоятельство с неизбежностью приведет к конкуренции и столкновениям «научного союза» и университета с другими государственно значимыми институтами. В условиях такой институциональной конкуренции (с двором, армией, аристократией, чиновничеством и т. д.) «мегапроект» [Касавин, 2015] Шлейермахера ставит себе означенную задачу самооправдания, задачу устранить «тот предрассудок, что тот, кто занимается наукой, тот одновременно демонстрирует свою неспособность и нежелание заниматься настоящим делом».

И действительно, новый университет требовал высочайшей протекции, ведь наука все еще не понималась как «производительная сила общества», продуцирующая технологии (включая и «социальные технологии» [Касавин, 2013]), а посему основание нового

университета, ориентированного на современное состояние исследований, а не на средневековые схоластические темы, не являлось чем-то естественно-понятным. Но такое оправдание науки и не в последнюю очередь равно высокого – в сравнении с аристократией – социального статуса ученых, Шлейермахер осуществляет все-таки не ссылкой на потребности хозяйства, производства, но прежде всего, указанием на полезность ученых в государственном управлении. И это, конечно, существенно обостряет ключевой для него вопрос инклюзии в научное сообщество и его автономии. Ведь если научное сообщество рекрутирует исследователей для административного управления, то зачем нужны академические свободы? Учить чиновников свободомыслию?

Список литературы

Антоновский, 2017 – Антоновский А.Ю. Наука как общественная подсистема: Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопр. философии. 2017. № 7. С. 158–171.

Касавин, 2013 – Касавин И.Т. и др. Гуманитарное знание и социальные технологии // Вопр. философии. 2013. № 9. С. 3–30.

Касавин, 2015 – Касавин И.Т. Мегaproекты и глобальные проекты: наука между утопизмом и технократизмом // Вопр. философии. 2015. № 9. С. 40–56.

Луман, 2016 – Луман Н. Истина, знание, наука как система. М.: Логос, 2016. 408 с.

Столярова, 2015 – Столярова О.Е. История и философия науки versus STS // Вопр. философии. 2015. № 7. С. 73–83.

Fichte, 1807 – Fichte I.G. Deduzierter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höheren Lehranstalt (1807). URL: <https://edoc.hu-berlin.de/bitstream/handle/18452/5303/9.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 16.10.2017)

Spranger, 1909 – Spranger E. Wilhelm von Humboldt und die Humanitätsidee. Berlin: Reuther & Reichard, 1909. 504 S.

Spranger, 1910 – Spranger E. Fichte, Schleiermacher und Steffens über das Wesen der Universität. Leipzig: Durrschen Buchhandlung. 1910, 342 S.

Steffens, 1919 – Steffens H. Über das Wesen der Universität : drei Aufsätze aus den Jahren 1807-1809. Leipzig: Meiner, 1919. 583 S.

References

Antonovski, A. Yu. “Nauka kak obshchestvennaya podsistema: Niklas Luman o mekhanizmax sotsial’noi evolyutsii znaniya i istiny” [Science as a social subsystem. Niklas Luhmann about mechanisms of social evolution of knowledge and truth], *Voprosy filosofii*, 2017, no. 7, pp. 158–171. (In Russian)

Fichte, I.G. *Deduzierter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höheren Lehranstalt (1807)*. [<https://edoc.hu-berlin.de/bitstream/handle/18452/5303/9.pdf?sequence=1&isAllowed=y>, accessed on 16.10.2017].

Kasavin, I. T. “Megaproekty i global’nye proekty: nauka mezhdou utopizmom i tekhnokratizmom” [Megaprojects and global projects: science between utopism and technocratism], *Voprosy filosofii*, 2015, no. 9, pp. 40–56. (In Russian)

Kasavin, I. T., et al. “Gumanitarnoe znanie i sotsial’nye tekhnologii” [Humanities and social technologies], *Voprosy filosofii*, 2013, no. 9, pp. 3–30. (In Russian)

Luhmann, N. *Istina, znanie, nauka kak sistema* [Truth, knowledge, science as a system]. Moscow: Logos. 2016. 408 pp. (In Russian)

Spranger, E. *Fichte, Schleiermacher und Steffens über das Wesen der Universität*. Leipzig: Durrschen Buchhandlung, 1910. 342 S.

Spranger, E. *Wilhelm von Humboldt und die Humanitätsidee*. Berlin: Reuther & Reichard, 1909. 504 S.

Steffens, H. *Über das Wesen der Universität: drei Aufsätze aus den Jahren 1807–1809*. Leipzig: Meiner, 1919. 583 S.

Stoliarova, O. E. “Istoriya i filosofiya nauki versus STS” [History and philosophy of science versus STS], *Voprosy filosofii*, 2015, vol. 7, pp. 73–83. (In Russian)